

Мы встретились с Сергеем Маковецким в Театре имени Евг. Вахтангова, где он служит уже много лет и где шли последние репетиции перед премьерой спектакля "Ревизор" в постановке режиссера Римаса Туминаса. И, естественно, наш разговор начался с обсуждения новой роли теперь уже народного артиста России и лауреата Государственной премии России Сергея МАКОВЕЦКОГО, который играет Городничего.

Сергей МАКОВЕЦКИЙ:

ОТКРЫВАЮ УТРОМ ГЛАЗКИ, А ВОКРУГ УЖЕ ЗЕЛЕННЫЕ ЛИСТОЧКИ...

— Такой мысли пока не вынашиваю. Кому-то что-то подсказать — делаю это всегда и с удовольствием. Уже неоднократно мне предлагали преподавать и даже набирать свой курс в "Шуке". Но я не могу себе этого позволить при моей занятости. Да и не хочется мне пока отказываться от ролей — наоборот, хочу и сниматься, и поиграть в театре. Хотя, с другой стороны, мне и самому всегда нравилось, когда педагог — действующий актер. Это очень здорово, когда он учит на своей работе. Но если уж ты берешь курс, то должен отвечать за каждого своего студента. И каждого должен пестовать. Поэтому собирать все в одну кучу, наверное, не очень хорошо. Так же, как и быть одновременно и режиссером, и главным исполнителем, да еще и продюсером. Мне кажется, в этом случае одна из профессий оказывается падчерицей. Физически невозможно все сразу делать на "отлично" — что-то обязательно захроает. Все-таки профессия режиссера — это определенный стиль мироощущения. Возьмите Киру Муратову — у нее даже в названиях фильмов есть ее мироощущение, ее отношение к себе, к окружающим, к природе, к жизни, к Богу... Так что режиссерских амбиций я в себе не наблюдаю. И слава Богу, поскольку я не люблю ничего смешивать ни в жизни, ни в творчестве.

— А розыгрыши любите?

— Да, очень. И сам с удовольствием в них участвую.

Могу позвонить кому-нибудь из друзей и разыграть, изменив голос. Но лишь почувствую, что человек попался, тут же раскальмажусь, чтобы собеседника не расстраивать. Особенно когда речь касается творчества. Потому что импульсы, фантазии, которые рождаются в эти мгновения у актера или режиссера в голове, самые искренние и шутить с такими вещами нельзя. Они как раз то, о чем говорил Станиславский: читая роль, запомните те первые ощущения, видение роли, потому что чаще всего именно они самые верные в решении будущего характера. А вообще фантазировать обожаю. И могу фантазировать так, что начинаю чувствовать и видеть в подробностях, в запахе, в цвете предметы своей фантазии. А когда очнулся, если в этот момент вдруг раздался звонок от какого-нибудь Спилберга, то в такие мгновения можно ответить на звонок: "Извините, у меня ёлки в голове... Уже все сработано. Я уже все сыграл..." Как я люблю в шутку говорить: "Зачем сегодня играть спектакль, если вчера было потрясающе!"

— Разговаривая с вами, я снова и снова ощущаю, что самый большой кайф в жизни вы получаете от своей работы: от театра и от кино. А какие-нибудь еще удовольствия в жизни для вас существуют? Ведь даже от самой любимой работы надо иногда отдыхать!

— Вы знаете, мне очень легко доставить удовольствие, потому что я не люблю себя в хандре. В этот период я чувствую себя абсолютно дискомфортно. Увы, такое занудное состояние иногда бывает. А поскольку мне самому оно не нравится, я стараюсь его от себя гнать. Иногда с помощью фантазий. Или получаю колоссальное удовольствие, сходя с друзьями в баню: хорошо пропариться, нырнуть в ледяной бассейн, выходящий, и в голове — ну просто белый лист бумаги. Чистота и физическая, и духовная. Тишина. И готовность к новой буре. Удовольствие я получаю от путешествий, которые мы время от времени устраиваем себе с Леной, моей женой. Я обожаю привязать в какие-то новые места, где еще никогда не был. И таких еще много. Например, мечтаю поехать в Италию — там я, представляете, еще не был. Мечтаю увидеть Японию. Да и в России еще уйма не изведанных нами мест. Один Байкал чего стоит. Я был там — это на самом деле Богом поделанный край. К сожалению, у нас было немного времени. А старожилы готовы были показать нам разные, совершенно не похожие одно на другое, места Байкала. Оказываешься там, там есть свои климатические зоны. И в течение одного летнего дня при 30-градусной жаре и при том, что вокруг вода ледяная, градуса три или четыре, можно заехать в места, где бьют теплые гейзеры. А то можно поехать в ледяную штормящую пучину...

— И вы купались в ней?

— Да, и с удовольствием, потому что эффект потрясающий: визг, как у устриц в шампанском. Разгоряченный жарким воздухом, ты прыгаешь в воду, в которой невозможно долго находиться, а когда выходишь — все твои клеточки "визжат", как те самые устрицы в шампанском... Здорово невероятно! Пожить бы там месяц — поплавать, рыбу половить, по лесу побродить...

— Вы гурман?

— Да! Причем во всем. И люблю вкусно покушать. Мне нравится японская кухня, хотя не могу назвать себя большим ее знатоком. Очень люблю украинскую кухню, на которой вырос: борщ с пампушками, вареники с вишнями — дух захватывает. А ледяное тоненькое-пре тоненькое сало с мясной прожилочкой и долька чеснока на кусочке горячего черного хлебца, да под горилку с перцем... Да после этого борщ украинский со сметаной, да такой, что в ней ложка стоит...

— Прощай, раздельное питание!

— Увы, здесь уж не удержаться — это точно. Но я, кстати, люблю и фаршированную рыбу, и жареную картошку с куриным янтарным холодцом, как у меня жена делает. Я очень люблю, когда на столе все красиво. Или когда красиво и оригинально подается. Я много раз ахал и охал, когда Лена усаживала меня дома за стол, хотя она неоднократно меня прерывала: "Да что ты все ахашь — не я это готовила, а лишь сервировала..." Но сервировка, причем не только стола, но и всего, что окружает в жизни, для гурмана не менее важна, чем сам процесс смакования пищи...

Беседу вел
Татьяна АЛЕКСЕЕВА

Фото из семейного архива С. Маковецкого

— Не слишком ли вы молоды для этой роли?

— Так ведь Гоголь не указал на возраст Сквозник-Дмухановского... Удивительно, что никто не знает его фамилии, все лишь говорят, что он — Антон Антоныч... А Николай Васильевич предложил ему фамилию. В этом спектакле мы имеем удивительное прочтение Гоголя. Оно легкое и смешное, оно очень трогательное и трагикомичное, такое фантастическое шоу, как называет эту постановку режиссер, предлагая очень интересный театральный язык. Как мы привыкли воспринимать "Ревизора"? Как историю о взяточнической России. А если вспомнить, что господин Городничий все время обращается к Богу и каждое воскресение проводит в церкви? Да и даже в так называемой сцене взятки и Добчинский, и Бобчинский говорят Хлестакову: "Будете в Петербурге, скажите, что есть такой человек..." И от этого становится грустно. Да и Городничий говорит о том, что живут-то они — хоть три года скажи, ни до какого государства не доедешь... Это ж в каком захолустье они живут?! Тоска, да и только!

— В скольких спектаклях вы заняты сейчас?

— До последнего времени у меня были две большие роли в "Амфитрионе" и в "Отелло". Сейчас к ним добавился "Ревизор".

— Мы давно не встречались с вами. Не могу не отметить, что вы заметно изменились: помолодели и построились. В чем секрет вашего преображения?

— Это все связано с работой. Володя Мирзоев должен был начать снимать фильм "Веселые похороны". В павильонах уже были готовы декорации. Но проект пока не двинулся с места по банальнейшей причине — из-за отсутствия денег. А я всерьез занялся своим внешним видом для роли, которая пока не состоялась. Сбрасывать вес я начал по известной системе Волкова, которая построена на основе группы крови. Составляется список продуктов, необходимых организму для правильного обмена веществ. И, слава Богу, это не та диета, при которой сначала сбрасываешь три килограмма, а потом набираешь восемь. Ты нормально питаешься, но ешь только те продукты, которые необходимы твоему организму для его нормальной жизнедеятельности.

— И что же это за роль, преобразившая вас?

— Роль художника Алика: три последних дня его жизни. Очень любопытный характер. В этой истории, на мой взгляд, есть некая притчевость. Он умирает, потому что больше не может жить: любовь, энергия — все отдано. Поэтому он лежит без движения — такие человеческие мощи... Единственное, что еще живо, — это его глаза и ярко-оранжевый цвет волос. Но рядом с ним — и бывшие его жены, и настоящие, и его друзья. И его все любят...

— Однако вам эта худоба к лицу, вы совсем не выглядите умирающим!

— Ну и слава Богу! Вообще я считаю это нормальной системой питания, которая позволяет убрать все лишнее и оставить тот вес, который тебе необходим. Тем не менее, не начав снимать фильм, мы не остались без работы. Мы планировали съемки на позднюю осень — начало зимы. Но раз они были приостановлены, вспомнили о том, что года три назад я предложил

Мирзоеву пьесу Пинтера "Любовник". Тогда на ее постановку не было времени. И вот сейчас оно появилось. Уж не знаю, случай это или запрограммировано свыше, но мы взялись за постановку. Продюсировала проект Нина Петрова, с которой мы работали еще в спектакле "Коллекция Пинтера". И на старый Новый год состоялась его премьера. Мы играем в "Любовнике" с Евгенией Симоновой. Причем мы впервые встретились на сцене. Должен сказать, что играть с ней удивительно здорово — она талантливая и чуткая партнерша...

— А я слышала от некоторых режиссеров, что Евгения Симонова — слишком умная актриса, поэтому с ней тяжело работать...

— Ну, это их проблемы... С умными всегда приятно работать. И прежде всего потому, что умный все понимает. Хотя понятие "актерский ум" очень растяжимо. Что же касается Женечки Симоновой — я бы сказал о ее особом уме души! И я очень рад тому, что мы сошлись с ней в этом спектакле. И все, что посмотрел его, отмечают в нем красоту, стильность, а главное — присутствие любви на сцене...

— Да-да, про эту любовь ходят слухи...

— И пусть ходят! И замечательно, что люди это чувствуют. Ведь многим то, что они видят на сцене, напоминает их собственные отношения в жизни. А партнерство — оно куда больше и значительнее, чем роман, чем отношения мужа с женой. Это все другое...

— И где вы играете этот спектакль?

— Чаще всего на сцене Театра имени Маяковского.

— Знаю, что вы побывали в Германии. Чем там занимались?

— Мы гастролировали с "Коллекцией Пинтера". В этом спектакле играют еще Валентин Гафт, Виктор Суханов и Елена Шанина. Мы выступали и в Берлине, и в Дюссельдорфе, и во Франкфурте, и в Нюрнберге — там везде очень большие колонии бывших русских немцев. Надо сказать, что гастроли прошли успешно, и нас уже приглашают туда с "Любовником". Это настоящий спектакль, что публика сразу определила. Очень красиво "одета" сцена, замечательные костюмы — все это творения Павла Каплевича, талантливого театрального художника. Да, публика идет на имена. Но им хочется все-таки и театр увидеть.

— Когда видела вас в "Двенадцатой ночи" в роли Мальволио, чувствовалось, что вы буквально в ней купаешься...

— Я обожаю эту роль. Во-первых, Владимир Мирзоев предложил мне ее в тот период, когда вдруг навалилась колоссальная усталость и пропала всякое желание и интерес к работе. Но, приглядев, он предоставил мне право выбора: "Согласись играть — я буду рад, откажешься — не буду обижаться..." Скажу честно: имея такую возможность выбора, я искал повода не

пойти на репетицию. Но тем не менее ходил, ходил, ходил, пока меня не зацепило... Так вот я еще и за это благодарен своему Мальволио — он вытащил меня из депрессии.

— А в кино в этот период вы снимались?

— Сейчас уже практически готов пятисерийный художественный фильм Сергея Урсуляка по Агате Кристи "Неудача Пуаро". Правда, пока это предварительное название. И вот-вот должна состояться его телевизионная премьера. В этом фильме я играю главную роль — доктора, от имени которого идет повествование. Больше ничего не скажу, потому что это детектив.

— Интересно сниматься в детективе?

— Все зависит от режиссера, который руководит командой во время съемок, подсказывает какие-то паузы, повороты головы, загадочные или неожиданные взгляды. Должен быть очень грамотный монтаж. И тогда публика будет разгадывать и твои взгляды, и твои действия с затаенным дыханием. В детективе очень многое зависит от деталей. Ну а ты должен играть не детектив, а нормального человека, поставленного в определенные условия. И все должно быть очень естественно. И все действия героев происходят в предлагаемых обстоятельствах. Что же касается кино, есть у меня сейчас замечательное предложение от Эльдара Александровича Рязанова сняться в удивительной комедии положений. Сценарий я уже прочитал. Действие там разворачивается накануне Первой мировой войны. В состоянии людей, в природе уже витает предчувствие каких-то серьезных перемен, катастрофы... Знаете, какое у меня самое любимое время в природе?

— Какое?

— Когда уже сошел снег, а листья еще не начали появляться. Вот еще секунда — и почки лопнут. И вот эту секунду перед взрывом я ощущал несколько раз — мне кажется, что на это мгновение вся природа будто вздохнула и задержала дыхание. Для того чтобы потом выдохнуть — и вокруг все в мгновение ока зазеленеет. Но это ощущение выдох очень трудно поймать. Ждешь, ждешь, надеешься, что вот сейчас ты услышишь этот шумный выдох... День проходит, открываешь утром глазки — ой, а вокруг уже зеленые листочки... Впрочем, мы отвлеклись... Как говорил мне Эльдар Александрович, картина будет в стилистике, близкой к немому кино. Мне предложена роль поэта-декадента: он и пьяница, и картежник, и шикарный сочинитель. И ситуация вокруг него разворачивается удивительная — там есть и жена, и любовница, и обманутый муж, и покинутый муж, и любовник. И люди пугают квартиры... И измена, оказавшаяся вовсе не изменой, — куча всевозможных приключений.

— Нередко у актера наступает момент, когда он становится еще и режиссером. Думаете ли вы об этом?

582

Маковецкий
Сергей